

DOI: 10.15643/libartrus-2022.4.9

«Паразитическо-теневые элементы» периода «хрущевской оттепели»

© Р. А. Хазиев

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: khazievra@mail.ru

В статье раскрывается тайная коммерческая деятельность представителей «второй экономики» эпохи Н. С. Хрущева на Урале. Автор, конкретизируя, что в постсталинский период по-прежнему характерной чертой повседневной жизни населения страны был дефицит товаров и услуг, выявляет в годы хрущевских реформ зарождение нового социального явления в виде негласного общественного принятия частно-хозяйственной инициативы, проявившейся в подпольной самоорганизации «теневиков», действовавших вне государственного контроля. Относительная демократизация эпохи «хрущевской оттепели» стала точкой отсчета начавшегося столкновения между советскими институтами и «паразитическими элементами», жаждущими жить «лучше и богаче», что позволяет определить – как мировоззренческие и институциональные установки сталинской эпохи «затягивания поясов» теряли свою актуальность в массах, постепенно становившихся негласными приверженцами социалистического консьюмеризма. Хрущевский реформаторский прорыв смягчил, но не решил экономические трудности советской системы, стоически реализовавшей свои притязания на абсолютное политико-хозяйственное и идеологическое доминирование над гражданами страны. Советское государство всеми доступными административно-правовыми средствами, активизацией общественной деятельности по «укреплению политических связей с народом», оперативного задействования огромной пропагандистской медиа империи пыталось не только нейтрализовать, но и дискредитировать в массовом сознании «спекулянтов всех мастей», отождествляя их с «париями» социалистического государства.

Ключевые слова: Хрущевская оттепель, теневая экономика, дефицит, блат, черный рынок, плановая экономика, распределение, спекуляция.

Советскую экономическую модель традиционно называют плановой. Де-факто она была квази-плановой. За исключением периода нэпа, когда легально действовали частники, государственное администрирование народного хозяйства всегда сосуществовало со «второй экономикой», представителями которой являлись нелегальные «дельцы». Даже в чрезвычайных условиях военного времени 1941–1945 гг. властные госструктуры не смогли искоренить функционирование «черного рынка» [1–2].

Не афишируемое теневое делячество было важным элементом повседневной жизни советских граждан. Подпольные «спекулянты», «торгаши», «рвачи», зарождавшиеся в послевоенное время «цеховики» удовлетворяли, порой, насущные потребности населения в товарах и услугах, которые не могли быть получены от различного рода государственных и кооперативных хозяйствующих субъектов. В послевоенные годы и особенно в постсталинскую эпоху произошел существенный рост участников теневых операций [3–9], что было вызвано несколькими фундаментальными причинами.

Во-первых, у народа-героя, выигравшего в 1945 г. планетарного масштаба битву, формировались нового типа ментальные установки: пролившие кровь на фронте и ковавшие победу в тылу должны жить лучше. Однако послевоенные репрессии вызвали болезненный разрыв названной выше психоэмоциональной установки, сложившейся в советском социуме. Оправданные и заслуженные ожидания победителей, одолевших нацистов, травмирующе нейтрализовались послевоенным закручиванием гаек. Очередное затягивание поясов списывалось властью на «происки» врагов-врачей, врагов-военных и т.д. Приглушенное, но не исчезнувшее желание материального благополучия обрело новый смысл в эпоху Н. С. Хрущева. Произведенное Н. С. Хрущевым очищение командного администрирования от крайних форм деспотизма породило у части населения стремление путем обогащения изменить «нищенскую жизнь» при сталинизме.

Во-вторых, за исключением номенклатурного клана, большая часть советских людей перманентно испытывала чувство горечи ввиду необходимости постоянно добывать продукты питания, одежду, домашнюю утварь, решать вопросы с жильем, в случае болезни устраивать по благу в больницу, искать нужные лекарства и т.д. Возникали и другие жизненно-необходимые вопросы, в сумме трансформировавшиеся в почти вечную категорию «сплошные текущие проблемы». Десятилетия стоицизма исчерпывали запас коллективно-индивидуальной прочности считать нормой советской жизни недоедание, горение на работе, пренебрежение личным во имя партийно-общественного. Сознательное самоограничение, в высшей степени искреннее проявленное населением страны в годы Великой Отечественной войны, вызвало в эпоху Н. С. Хрущева социальный эффект обратного раскручивания пружины прежде замораживаемых жизненных устремлений, в принципе органичных для любой личности. В общественном сознании формировалась идея сатисфакции за душевные страдания, недоедание, недосыпание, сверхнормативную работу, убогий быт, стресс репрессий и т.д., изображаемых идеологической государственной машиной нормой социалистической действительности.

В-третьих, нараставшая в эпоху «хрущевской оттепели» тенденция ментального денонсирования сталинизма, вычурно демонстрированная «стилягами», положила начало подрыву советских ценностей, стоически укореняемых государством. Поколение фронтовиков и тружеников тыла, над которыми, с приходом к власти Н. С. Хрущева, перестал висеть дамоклов меч неотвратимости массовых наказаний, стало пренебрегать и отказываться по умолчанию от серых будней выживания, уравнительности, сдержанности в удовлетворении насущных потребностей, гипертрофируемых пропагандистами как «ненавистное» советскому человеку буржуазное потребленчество. Избавление от страха попасть в Гулаг постепенно вело не только к отказу от спартанского образа жизни, но и к компенсированию с помощью тайного обогащения недостающих материальных благ, без которых ощущался дефицит жизни.

В-четвертых, отторжение «голодного социализма», ассоциируемого со сталинизмом, и стремление к «сытому социализму» в силу новых хрущевских перемен и открывшихся возможностей вызвало избавление от угнетающих советских людей иллюзий, заблуждений, веры в коммунистическую мифологию, не предполагающую материальную самодостаточность советского человека «здесь, сегодня и сейчас». Вместо того чтобы слепо довериться призыву отодвинуть жизнь на будущее, дождавшись наступления начертанного партийной программой коммунизма-изобилия, начала формироваться прорыночная прослойка «подпольных богатых», исповедующая философию потребительства.

В-пятых, регламентируемая свобода эпохи Н. С. Хрущева, особенно на контрасте с жесточайшим прессингом времен сталинизма, рождала идею (культурное правило) *рисковать* ради

получения неучтенных доходов. Рисковать не ради выживания, как это было при сталинизме, а нелегально обогащаясь, чтобы избежать хронического безденежья и коммунального прозябания. Скрытые коммерсанты хрущевских времен, негласно продвигая в общественную среду культ богатства, фактически внедряли новый социальный формат. Он предполагал большей, а порой чрезмерной ориентированности «стяжателей» на самих себя, т.е. на собственные интересы, что вступало в конфликт с навязанной народу идеологией трудиться на благо общества, правительства и КПСС.

Желание обладать не усредненным, а лучшим, чем у остальных движимым и недвижимым имуществом формировало новый стиль жизни и запросы «советских богатых» эпохи хрущевской оттепели. Нелегально обогащавшиеся, исходя из факта своего существования, впервые после ликвидации нэпа, продвигали в массы идею незазорности быть обеспеченным. Идти в ногу со временем означало – «делать деньги», «дом-полная чаша», «обеспечить детей, внуков и правнуков».

Пионеры «хрущевского потребительства» стали не только приспособливаться, подстраиваться под реалии планового социализма, но и извлекать доходы благодаря его существованию. Денежные кошельки эпохи Н. С. Хрущева олицетворяли собой личностей, которые негласно бросали вызов командному администрированию. «Хрущевские нувориши», живя на «широкую ногу», что было недостижимо для большинства советских людей, очевидно выделялись среди тех, кто честно трудился «от полочки до полочки». Таким образом, эпоха «хрущевской оттепели» положила начало становлению и распространению теневых дельцов, которые благодаря подпольно «сколоченным капиталам» шаг за шагом размывали социалистическое хозяйственно-бытовое мироустройство.

Одним из ключевых элементов выживания советских граждан был черный рынок. Командное администрирование народного хозяйства, порождая экономику дефицита, невольно создавало условия для различного рода «пронырливых торгашей», наживавшихся на перепродаже продуктов и потребительских товаров. Наибольшего размаха теневые сделки достигли в системе «советской торговли».

Потребители, особенно на уральской периферии, сталкиваясь с тем, что в местных торговых точках покупать практически было нечего, готовы были переплачивать, чтобы достать продукты питания и «нужные вещи». Время от времени проводимые надзорными органами рейды по проверке торговых организаций особого успеха не имели. Главное было правильно отчитаться в вышестоящие организации о выявлении мелких нарушений, которые своевременно исправлены. Однако в действительности спекуляция дефицитом стала для работников прилавка профессиональной обыденностью [10, л. 1–3].

В середине 1950–х-начале 1960–х гг. «прибыльным местом» считались хлебные магазины. Хлебобулочные изделия пользовались повышенным спросом, являясь одним из основных продуктов питания населения. Ради того, чтобы достать «душистый белый хлеб» жители г. Белорецка даже не задумывались, что покупают левый товар, неучтенно произведенный на хлебокомбинате. При давке в очереди и сетовании – хватит или не хватит всем белого хлеба, покупатели не выбивали чек в кассе, а сразу отдавали деньги продавцам «в руки», за вожделенную булку или батон [11, л. 13].

В промышленной Магнитке (Магнитогорске) даже работники известного на всю страну металлургического комбината, снабжению которого уделялось особое внимание, не всегда могли купить буханку хлеба. Относительно высокие зарплаты в горячих цехах при отсутствии

в свободной продаже хлеба, бакалейных, кондитерских и других товаров повседневного спроса вызывали эффект наличия достаточного количества денег при невозможности на них что-либо приобрести «съестного». В магазинах города с выгодой пользовались сложившейся ситуацией, продавая из-под прилавка товары с наценкой [12, л. 12].

Магазины являлись начальным звеном в «торговой мафии». Размер скрытой прибыли магазинов зависел от объемов поставляемой для реализации населению номенклатуры товаров. Распределительным центром были Горторги и Райторги, с ответственными лицами которых необходимо было дружить, материально их стимулируя различного рода дорогостоящими подношениями, чтобы заполучить в магазин «махом уходящие товары». В торгах на словах выступали за безжалостное искоренение любых нарушений социалистической торговли, но фактически «крышевали» низовые торговые структуры. «Начальством» торгов в обмен на свою долю прибыли предоставлялся режим наилучшего благоприятствования особо доверенным коллективам магазинов. Это выражалось в их снабжении ходовыми товарами и нормированными продуктами питания, которые массово сбывались «налево» по завышенным ценам [13, л. 18].

Важно было занять надежные связи и с торговыми базами. Товар или товары могли иметь одинаковое наименование, но быть разными по качеству. В одном случае магазин мог быть затоварен не пользующимся спросом «неликвидом», что грозило невыполнением плана и оргвыводами, а в другом случае получать с базы высокого качества товары, выгодные для тайного обогащения. В челябинских магазинах «днем с огнем» невозможно было приобрести, например, «приличные» наборы мебели для жилых помещений и кухни, а также другие предметы домашнего обихода. Подобного рода товары по накладным в магазины поступали, но в торговые залы для продажи их даже не выставляли, если только не производились контрольные проверки, о которых практически всегда знали заранее [14, л. 9].

В столице БАССР – Уфе – отдельные государственные магазины фактически превратились в подпольные пункты оптового и розничного сбыта разнообразных товаров народного потребления «надежным и платежеспособным покупателям». В большей степени тайно коммерциализировались небольшие магазины, в которых, не считая директора, работало 3–4 продавца. В таких магазинах, «вставших на преступный путь», как правило, действовал принцип круговой бизнес-поруки. Продавцы, зная, когда с базы поступит партия товара, заранее оповещали постоянных клиентов – «базарных барыг», которым все и «отпустили».

Риск быть пойманными и наказанными сводился к минимуму. Весь товар отдельными чеками пробивался через кассу. Для проверяющих продумано создавалось надежное документальное доказательство, что стихийно образовалась очередь и «в один миг все раскупили». Наиболее «матерые торгаши» имели тайную кассу, используя ее в экстренных случаях, когда «прикормленным спекулянтам» товар со склада магазина был отпущен, а деньги еще не были от них получены. В случае «экстренных ревизий» отсутствие чеков объяснялось сбоем в кассовом аппарате, что доказывалось наличием «своевременного» составленного акта о технической неисправности кассового аппарата. Акты о поломке кассового аппарата делались заранее. При неожиданных проверках в шаблон акта срочно вписывалась непробитая сумма, представлялась дата и время выхода из строя кассового аппарата. Также находились другие веские причины, главное было доказать проверяющим, что не произошло растраты, и нужная сумма имеется в наличии [15, л. 32–33, 36, 42].

Областные и республиканские комитеты партии уральского региона осознавали, что в торговых организациях существовали хозяйственные отношения не социалистического типа.

Укоренившийся среди партийного руководства дуализм – публичное осуждение фактов нарушения советской торговли и постоянное негласное приобретение «дефицита» – благодаря служебному положению заставляло партийную номенклатуру мириться с существованием теневое «торгашества».

Сложился даже своеобразный сценарий проведения различного рода совещаний и собраний, организуемых партийно-государственными структурами, на которых рассматривались текущие вопросы деятельности торговых организаций республик, областей, городов и районов Урала. Критические высказывания партработников были дозированы, чтобы ненароком не бросить тень на явно не конкурентноспособную планово-распределительную систему. Все сводилось к призывам усиления партийного контроля со стороны парторганизации учреждений торговли и «нешадного» очищения рядов от «не чистых на руку» торговых работников. Руководители торговых организаций, признавая отдельные недостатки и выверенно занимаясь самобичеванием, основной акцент делали на «плохой работе» производителей, не только постоянно срывавших графики поставки продовольствия и промтоваров, но производящих продукцию низкого качества, которую невозможно было продать [16, л. 2, 8–9, 17].

В эпоху Н. С. Хрущева торговые точки районных союзов потребительских обществ в большей степени напоминали складские помещения, имевшие неприглядный вид. Достаточно часто в «райпотребсоюзных» лавках или мобильных киосках съестная продукция раскладывалась вперемешку с промышленными товарами. Подобная культура торговли объясняется как высокомерным посылом «королев» сельских лавок, что и так «все сметут», было бы чем торговать хоть и по завышенной цене, так и возможностью безнаказанно обогащаться в «сельской глуши» [17, л. 78, 82–83].

В ряде райпотребсоюзов Свердловской области и БАССР продавцы стационарных и особенно передвижных лавок внедрили прибыльное для них новшество – «тайный стол заказов» на крайне необходимые в сельской местности товары. Привилегированные покупатели, входя в ближний круг продавцов, были только рады переплатить, но иметь возможность приобрести сапоги резиновые, соль, спички, керосиновые лампы, мыло, бритвенные лезвия, кастрюли, ложки, оконные стекла, замки и т.д. [18, л. 3–4, л. 7; 19, л. 135].

Скрытая экономическая деятельность получила распространение и в специальных торговых подразделениях – Отделах рабочего снабжения (ОРСах), которые существовали в крупных транспортных и строительных организациях, на предприятиях различных отраслей промышленности регионального и общесоюзного значения. Магазины ОРСов, имея статус ведомственных, нередко находились на территории организации, в которых существовал пропускной режим. В такой ситуации всегда имелась возможность избежать различного рода неожиданных ревизий со стороны контролирующих государственных органов. Многие ОРСы на Урале стали «золотой жилой» для обогащения отдельных лиц, которые считали, что честным трудом невозможно заработать на обеспеченную жизнь.

«Баснословно наживались», манипулируя с государственными ценами, в магазинах ОРСов БАССР. Как правило, у работников различных отраслей промышленности, кто имел право покупать товары в магазинах или лавках «своих ОРСов», была «приличная» заработная плата по советским меркам. Это рождало эффект высокого потребительского спроса при ограниченности товаров, «моментально сметаемых с накруткой» в магазинах ОРСов. Покупатели ОРСовских магазинов были довольны самим фактом приобретения нужного товара, как правило, не задумывались и не выясняли, почему их покупка оказалась несколько дороже, чем в других

магазинах, но где можно было что-то купить «если только повезет» или «достанется после многочасового выстаивания в огромной очереди». Работать в магазинах ОРСах было «прибыльно», поэтому его сотрудники «горой стояли» друг за друга, так как только принцип коллективной сопричастности к теневым махинациям, чтобы все были «повязаны» и взаимозависимы от общего дела, позволял стабильно получать подпольный доход [20, л. 33–34].

Во времена советского дефицита возможность «достать», особенно продукты питания, породила специфический способ самоутверждения в виде «добытчика» пропитания для себя или семьи. Торговцы дефицитом осознано пользовались ситуацией, когда покупатель, сумевший приобрести, например, достаточное количество мяса отличного качества, испытывал не только положительные эмоции, но и чувство благодарности к продавцу. Банальный рубщик мяса или продавец колбасных изделий в ОРСовском магазине становился чуть ли не культовой фигурой, неким благодетелем, которому не грех было накинуть энную сумму «сверху» за его «труды» – отпущенный «деликатесный товар» [21, л. 53, 71]. Время хрущевских перемен, пришедшее на смену сталинских ограничений, невольно формировало культуру «культы еды», но лишь как форму житейско-обыденного устойчивого потребления. Укоренение масштабного потребительского сознания, конечно, является гораздо более поздним событием, отчетливо проявившимся в 1960-е гг.

В период «хрущевской оттепели» базы и магазины ОРСов ради получения теневой прибыли постоянно пренебрегали принципами «социалистической торговли». Ее ключевым элементом являлся негласный договор между правительством и населением-потребителем, по которому промежуточное звено – торговые организации – обязывались по поручению государства предоставлять «советским трудящимся» возможность купить определенное количество промтоваров и продуктов питания. В торговых точках ОРСов, пользуясь ведомственной экстерриториальностью, постоянно утаивали от покупателей значительную номенклатуру ширпотреба, тайно сбывая его «базарным барыгам», продавали «с черного хода» нужным людям, обменивали по бартеру на товары, нужные торговым работникам ОРСов [22, л. 7; 23, л. 4, 12, 14].

Таким образом, распространение в эпоху «хрущевской оттепели» различного рода теневого «делячества» являлось в определенной степени социальной реакцией на «ненавистное» нормирование, которое торпедировалось ростом подпольной коммерциализации ради «сытой жизни при социализме». В годы «хрущевской оттепели» начался сбой массового мобилизационного мышления – ограничивать себя в еде, одежде, услугах и т.д. как, например, это было в годы Великой Отечественной войны. Хрущевское время перемен синхронизировалось с прозрением части населения, что в мирное время, как и прежде, налицо кризис прожиточного минимума. Особенно это было очевидно в продовольственной сфере. Государство, ввиду нехватки продовольствия, не справлялось со своей главной обязанностью – справедливой реализацией среди населения продуктов питания. Аналогичной была ситуация и по номенклатуре товаров массового спроса.

Несмотря на все усилия партийно-государственных органов по улучшению качества жизни советских людей, сложились два канала товарного обеспечения населения: государственный с фиксированными ценами, но ограниченный в удовлетворении минимальных запросов потребителей; подпольный, но хаотичный, непостоянный и, поэтому, ненадежный, к тому же с высокими ценами по причине товарного дефицита и переплаты тайным «дельцам» за их риск быть пойманными и наказанными.

Эти два отчетливо проявившиеся явления проходили в эпоху «хрущевской оттепели» стадию взаимного сращивания. Любой сбой в планово-социалистической системе хозяйствования заставлял людей пользоваться услугами подпольных дельцов, что, в свою очередь, провоцировало отток товаров в «альтернативную» или нелегальную экономику. В целом эпоха «хрущевской оттепели» оказала существенное воздействие на социальную контекстуализацию теневых операций, ставших фактической необходимостью для удовлетворения базовых потребностей в товарах массового спроса.

Литература

1. Пушкарев В. С. «Черный рынок» в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // *Экономический журнал*. **2008**. №2(12). С. 212–225.
2. Тумаков Д. В. О хищениях и спекуляции на советской периферии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: официальный взгляд и объективные причины (по материалам ярославских архивов) // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. **2021**. №4(60). С. 57–69.
3. Столетова А. С. Теневые стороны организации советской торговли в оценках массового сознания 1960–1980-х гг. (интерпретация писем в центральные органы власти и средства массовой информации) // *Вестник Томского государственного университета*. **2021**. №472. С. 153–163.
4. Блинова В. В. Уголовно-правовые меры по борьбе с экономической преступностью в послевоенные годы // *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*. **2018**. №35. С. 10–14.
5. Мамяченков В. Н. «Продавцы покровительствуют спекулянтам»: борьба органов правопорядка со спекуляцией продовольственными и промышленными товарами в начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) // *Научный диалог*. **2016**. №9(57). С. 160–174.
6. Твердюкова Е. Д. *Contradictio in adjecto: «буржуазные» ценности советской торговли 1950–1960-х гг.* // *Советский мегаполис: Ленинград в процессе модернизации: сборник статей* / Под ред. А. И. Рупасова, А. Н. Чистикова. СПб.: Северная Звезда, **2014**. С. 152–187.
7. Крушанова Л. А. Особенности экономической преступности в Приморском крае в середине 1950–1960-х гг. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. **2011**. №2(17). С. 86–93.
8. Андрияхин Е. А. Неофициальное предпринимательство в СССР в 60–80-х гг. XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. **2010**. №4-2(68). С. 9–12.
9. Богданов С. В., Орлов В. Н. Тоталитарная государственность и экономическая преступность в СССР в первые послевоенные годы // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. **2009**. №6-2. С. 15–20.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 17. Д. 13.
11. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 32. Д. 1601.
12. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 17. Д. 137.
13. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 19. Д. 185.
14. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 18. Д. 224.
15. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
16. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 17. Д. 21.
17. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 18. Д. 225.
18. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 59. Д. 201, Оп. 60. Д. 229.
19. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
20. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
21. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 20. Д. 161.
22. Центральный государственный архив Удмуртской Республики – Государственный архив общественно-политической истории (ЦГА УР-ГАОПИ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 8414.
23. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 20. Д. 162.

Поступила в редакцию 04.08.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.4.9

Parasitic and shadow elements in the period of Khrushchev Thaw

© R. A. Khaziev

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: khazievra@mail.ru

The author of the article analyzes the underground activities of participants of the “second economy” in the Urals of the period of N. S. Khrushchev. The author is concretizing that in the post-Stalin period the shortage of goods and services was still a characteristic feature of the daily life of the country’s population, is revealing the emergence of a new social phenomenon in the years of Khrushchev’s reforms in the form of an unspoken public acceptance of private economic initiative, which manifested itself in the underground self-organization of “shadow” outside state control. Some of the democratization of the “Khrushchev thaw” became the starting point for the clash between Soviet institutions and “parasitic” elements, who wished to live “better and richer”. It is shown that the worldview and institutional settings of the Stalinist era of “belt tightening” gradually lost their relevance among the masses. They became unspoken adherents of socialist consumerism. Khrushchev’s reformist breakthrough alleviated but did not solve the economic difficulties of the Soviet system, which stoically realized its claims to absolute political, economic and ideological dominance over the country’s citizens. The Soviet state, by all available administrative and legal means, by intensifying social activities to “strengthen political ties with the people”, by promptly using a huge propaganda media empire tried not only to neutralize but also to discredit in the mass consciousness “speculators of all stripes”, identifying them as the “pariahs” of the socialist states.

Keywords: Khrushchev thaw, shadow economy, deficit, cronyism, black market, planned economy, distribution, speculation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Khaziev R. A. Parasitic and shadow elements in the period of Khrushchev Thaw // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 4. Pp. 306–314.

References

1. Pushkarev V. S. *Ekonomicheskii zhurnal*. 2008. No. 2(12). Pp. 212–225.
2. Tumakov D. V. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2021. No. 4(60). Pp. 57–69.
3. Stoletova A. S. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. No. 472. Pp. 153–163.
4. Blinova V. V. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*. 2018. No. 35. Pp. 10–14.
5. Mamyachenkov V. N. *Nauchnyi dialog*. 2016. No. 9(57). Pp. 160–174.
6. Tverdyukova E. D. *Sovet-skii megapolis: Leningrad v protsesse modernizatsii: sbornik statei*. Ed. A. I. Rupasova, A. N. Chistikova. Saint Petersburg: Severnaya Zvezda, 2014. Pp. 152–187.
7. Krushanova L. A. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2011. No. 2(17). Pp. 86–93.
8. Andryukhin E. A. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. No. 4-2(68). Pp. 9–12.
9. Bogdanov S. V., Orlov V. N. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 2009. No. 6-2. Pp. 15–20.
10. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO). F. 288. Op. 17. D. 13.

11. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). F. 122. Op. 32. D. 1601.
12. OGACHO. F. 288. Op. 17. D. 137.
13. OGACHO. F. 288. Op. 19. D. 185.
14. OGACHO. F. 288. Op. 18. D. 224.
15. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
16. Ob''edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (OGA00). F. 371. Op. 17. D. 21.
17. OGACHO. F. 288. Op. 18. D. 225.
18. Tsentri dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TsDOOSO). F. 4. Op. 59. D. 201, Op. 60. D. 229.
19. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
20. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
21. OGACHO. F. 288. Op. 20. D. 161.
22. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurt-skoi Respubliki – Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii (TsGA UR-GA0PI). F. 16. Op. 1. D. 8414.
23. OGACHO. F. 288. Op. 20. D. 162.

Received 04.08.2022.